

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

TOPOS DOMU DOŚWIADCZANIE ZAMIESZKIWANIA I BEZDOMNOŚCI

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-490-0

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności

Wanda Supa Жилое пространство и менталитет индивида в русской прозе XX – XXI веков	15
Matylda Chrząszcz Samowar jako metafora domu w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich XIX wieku	31
Элеонора Шестакова Феноменология бездомности героев мотива <i>русский человек на rendez-vous</i> в русской словесности XIX – первой трети XX вв.	41
Людмила Авдейчик Символика «небесной обители» в поэзии В. С. Соловьева	65
Анна Булгакова Дом и бездомье: топос Дом в пьесе Леонида Андреева <i>Жизнь человека</i>	83
Марина Красильникова Дом и «кочевье» в канунной русской культуре начала XX века	95
Алексей Овчаренко Безбытность в русской литературе 1920-1930-х годов. Постановка проблемы	109
Татьяна Комаровская Функциональная роль архетипов Дома и Дороги в раскрытии характера героини романа Джейн Смайли <i>Частная жизнь</i>	117

Янина Солдаткина Категория «дом/бездомность» в романах М. А. Булгакова и романе М. Петросян <i>Дом, в котором...</i>	123
Надежда Злобина Образ дома у дороги в поэме А. Т. Твардовского <i>Дом у дороги</i>	137
Nadzieja Monachowicz Houses in the Lives of Doris Lessing's Heroines	145
Наталья Ковтун <i>Изба – квартира – перекресток</i> : к вопросу о самоопределении героев в поздних текстах В. Шукшина	161
Ирина Середа Дом и бездомность в художественном мире В. Маканина 1990-х–2010-х	179
Олеся Никитина Дом в сказках Леонида и Ирины Тютчевых <i>Зоки и Бада</i> и <i>Школа зоков и Бады</i>	187
Paulina Charko-Klebot Dom, w którym nie można żyć. Prowincjonalna Rosja oczami niektórych uralskich dramaturgów	195
Grażyna Król „Tylko mi Ziemi całej do życia brak”. O bezdomnościach Andrzeja Babińskiego	209
Beata Morzyńska-Wrzosek Doświadczenie zamieszkiwania bez zadomowienia. Na przykładzie twórczości Julii Hartwig	227
Marta Niedziela-Janik Interpretacja motywu bezdomności w utworze Olega Pawłowa <i>Koniec wieku</i>	245
Сергей Преображенский Зимородок-гальциона как символ утраченного и обретаемого дома	259

Святлана Лясовіч

Канцэпт «дом» у сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле раманаў Альгерда Бахарэвіча, Юрыя Станкевіча) 267

Doświadczenie przestrzeni

Neonila Pawluk

Печаль воспоминаний... Пространство – время – телесная проксемиа в рассказе *Поздний час* Ивана Бунина 279

Вера Шульган

Перехрестя шляхів: життєві та поетичні дороги І. Я. Франка 289

Наталья Кнэхт

Антропология взгляда: человек в меняющейся городской среде, новые формы чувственного опыта и борьба за читательское внимание 297

Ілона Смаглій

Міфологічний, реальний і віртуальний світи в поезії Світлани Йовенко 307

Юрий Подковырин

Смысловые параметры художественного пространства в современной русской драме 317

Елена Гулевич

Монтаж как повествовательный принцип в рассказе А. Бирса *Добей меня* 333

Ірина Кропивко

Речовий світ людини у створенні метафоричного художнього простору у творах С. Поваляевої *Ексгумація міста* та М. Туллі *Сни й камені* 345

Анна Кононова

Полярная энтропия светоизображения в живописи белорусских художников рубежа XX–XXI веков 363

Елена Лепишева

Сценическое время-пространство новейшей русскоязычной драмы Беларуси 377

Сергей Преображенский
Российский университет дружбы народов

Зимородок-гальциона как символ утраченного и обретаемого дома

А. К. Жолковский публиковал свой рассказ-виньетку о загадочной «птичьей» открытке М. Л. Гаспарова, посланной ему в 1985 году в ответ на письмо из Испании, не единожды, в разных редакциях и под разными названиями. Скажем, в журнальной версии¹ виньетка называлась *Интертексты*, в книгах 2000 и 2008 годов² – *Гальциона*. В приложении к данной статье текст винюетки дается в журнальной версии. У писателя-филолога впоследствии неоднократно появлялась возможность спросить самого М. Л. Гаспарова, что означала загадочная комбинация рисунка и надписи на открытке, однако А. К. Жолковский или такого вопроса не задал, или о полученном ответе умолчал. Пытаясь найти ответ на заданную корреспондентом-литературоведом загадку, Жолковский-филолог идет по привычному пути, проложенному М. Риффатером и ухоженному им самим³, то есть принимает к рассмотрению довольно широкий круг аргументов, подтверждающих интертекстуальные отношения, наличие формальных совпадений с дискурсом-донором считает безусловно не обязательным, а отдаленные семантические сходства путем несложных спекулятивных операций сводит как варианты к общему инварианту. Этот методологический пафос едва ли безоговорочно разделял М. Л. Гаспаров (ср.: «раскрывать подтексты собственной эрудиции»⁴). Тем не менее автор винюетки исходит из презумпции высокой степени единомыслия отправителя и получателя письма и открытки, то есть полагает, что постулаты коммуникативной кооперации соблюдены

¹ «Звезда» 2000, № 4.

² А. Жолковский, *Мемуарные винюетки и другие non-fiction*, Санкт-Петербург 2000; А. Жолковский, *Звезды и немножко нервно*, Москва 2008.

³ Ср.: А. Жолковский, *Инвенции*, Москва 1995, с. 16.

⁴ М. Гаспаров, *Записи и выписки*, Москва 2001, с. 50.

и оба (и Жолковский, и Гаспаров) играют в одну прагматическую игру по общим правилам. Итак, из солнечной Испании путешествующий с молодой женой профессор-эмигрант посылает свои внезапные озарения («я с ближайшей же бензоколонки отправил М. Л. Гаспарову (в холодную, еще не тронутую перестройкой Россию) короткий отчет о случившемся»). В этот год положение с.н.с. М. Л. Гаспарова благополучным не назовешь – продолжается научно малоперспективное и социально не комфортабельное пребывание в ИМЛИ с дрейфом в сторону более гостеприимного сектора В. П. Григорьева в ИРЯ им. Виноградова, однако дрейф завершится лишь через пять лет, а в качестве американского профессора М. Л. Гаспаров попробует себя еще позже. В несовпадении социальных контекстов автор виньетки отдает себе отчет, но степень несовпадения явно недооценивает. Присланную М. Л. Гаспаровым открытку А. К. Жолковский трактует как ответную реплику на свое послание, то есть продолжение разговора об относительности севера и юга и месте этого мотива «пространственной относительности» в метатексте Пушкина и русском гипертексте, представленном любимыми авторами – И. Ильф, Е. Петров, И. Бабель, М. Зощенко. В этом контексте особую важность приобретает подхваченный М. Л. Гаспаровым мотив путешествия, *Тень друга* К. Батюшкова начинается строчкой «Я берег покидал туманный Альбиона...», причем путешествия не просто куда-то, а в иной мир (в том числе и загробный). С этим иным миром вяжется птица, символизирующая перелет через море и присутствующая уже в надписи на открытке: «За кораблем виляла Гальциона». Координация иконической (открыточной) птицы и её текстуального (батюшковского) эквивалента создает семиотическую коллизию в духе постмодернистской семиотики (отрыв означаемого от означающего, симулякры и т.п.), напоминающую любимые постмодернистами примеры – картины Р. Магритта (изображение курительной трубки с надписью «Это не трубка» и проч.). Прежде всего потому, что в знаменитых примечаниях Б. В. Томашевского к *Тени друга* сказано: «Гальциона – чайка (по мифологическим представлениям – женщина, превратившаяся в морскую птицу)»⁵. На открытке М. Л. Гаспарова изображен зимородок, в тексте присутствует, по версии Б. В. Томашевского, чайка. Пытаясь ликвидировать семиотическую пропасть, не допуская того, что она может быть отдельным предметом сообщения от традиционалиста М. Л. Гаспарова к меняющемуся методологический вектор

⁵ К. Батюшков, *Стихотворения*, Москва – Ленинград 1946, с. 286.

А. К. Жолковскому, последний выбирает традиционную интерпретативную тактику – увязать изображение и текст на обороте в непротиворечивый семиотический комплекс, тем самым демонстрирую собственную неполную состоятельность как просвещенного западного постмодерниста. Мифо-этимологический анализ выявляет следующие перспективные области смыслообразования, стимулирующие поиск интертекстов: а) мифы о метаморфозах зимородков и чайках, с объединяющим все варианты мотивом кладки яиц – супругам, превращенным в птиц, боги облегчают кладку яиц, делают её безопасной; б) превратности орфографии в лице «лишнего» Г (кириллического) / Н (латинского), приводящего к тому, что английский *halcyon* = *kingfisher*, то есть зимородок, оказывается омонимом русской гальционы, то есть чайки.

По поводу первого генерирующего смысла мотива сразу же возникает соображение, что в открытке М. Л. Гаспаров намекает на то, что у его адресата имеют место испанские *halcyon days*, «безмятежные дни» (греч. *halcyonides*), однако этот очевидный намек на безмятежное супружеское счастье и всеобщий покой А. К. Жолковский практически игнорирует. Первая – птичья – область интертекстуальных поисков вводит еще один (очевидный!) подтекст, в котором мотив эмигрантских своей и чужой земель соединен с парящим в «Олимпийских высотах» зимородком, то есть *Песенку* И. Бродского. Стихотворение 1960 или 1961 года, и конечно, хорошо известно М. Л. Гаспарову, тем более что в нем появление *kingfisher*'а – зимородка абсолютно не мотивировано с точки зрения русского читателя, едва ли даже М. Л. Гаспаров предполагал параллели (интертекстуальные!) с Ю. Словацким и его зимородком из продолжения *Пана Тадеуша*⁶.

Напомним текст И. Бродского:

По холмам поднебесья,
по дороге неблизкой,
возвращаясь без песни
из земли италийской,
над страной огородов,
над родными полями
пролетит зимородок
и помашет крылами.
И с высот Олимпийских,
недоступных для галки,

⁶ См. О. Бараш, *Нелегальные песенки Иосифа Бродского*, [в:] «А иначе зачем на земле этой вечной живу...»: художественный мир Б.Ш. Окуджавы, Калуга 2014, с. 122-128.

там, на склонах альпийских,
 где желтеют фиалки, –
 хоть глаза ее зорки
 и простор не тревожит, –
 видит птичка пригорки,
 но понять их не может.
 Между сосен на кручах
 птица с криком кружится
 и, замешкавшись в тучах,
 вновь в отчизну стремится.
 Помнят только вершины
 да цветущие маки,
 что на Монте-Кассино
 это были поляки.

Обращает на себя внимание тот факт, что, во-первых, интертекстом прогнозируется бесславное возвращение на родину, во-вторых, утверждается, что «видит птичка пригорки, но понять их не может». Понимание допустимо рассматриваться и по отношению к советской действительности (научной?), и по отношению к некоторым интертекстам. Возвращение к птичьим интертекстам еще предстоит ниже, а сейчас обратимся к орфографическим. Отмеченная А. К. Жолковским странность с ошибочным английским H во втором английском названии птицы (*halcyon* with h is a wrong form), коррелирующим с русским, тоже немотивированным Г, задает целую мотивную линию, которую А. К. Жолковский намечает и не развивает (фигура умолчания?), лишь вспомнив Аль-Цион – то есть Сион и сионизм и паронимически связав через И. Бабея с названием издательства «Альциона». Напрашивается, впрочем, довольно грубый, англо-ивритский каламбур к *halcyon* и, соответственно, русской Гальционе Батюшкова, *gull/hull-ZION*, то бишь сионская чайка. Но такой площадной ход мысли отправителя маловероятен. Тем не менее возникающую еврейскую тему не следует сбрасывать со счетов, если принять во внимание стихотворение к этому времени уже эмигранта И. Бродского. Тем более что именно в сугубо филологическом и языковедческом русском контексте заметнее всего то же «лишнее» Г (H) в терминологических именовании, связанных с евреями – гебраистика, гебраизм и проч.: абсолютная корреляция с Г/0-звука в Гальционе/Альционе, также обязанная своим происхождением языкам-посредникам (более всего в обоих случаях латыни).

Таким образом, возникает мотив чайки-зимородка с еврейским акцентом. «Друзья» (согласно интерпретации послания А. К. Жолковским) М. Л. Гаспаров и А. К. Жолковский в некотором роде были и биографически сродни. М.Л. Гаспаров биологически был сыном еврея, однако пользовался привилегией «армянской» фамилии Гаспаров, унаследованной от отчима. А. К. Жолковский был сыном нееврея (поляка?), но рано погибшего отца заменил отчим (еврей). Итак, в момент отправления открытки адресант – советский ученый, с сомнительной биографией, адресат – иммигрировавший на Запад как еврей, но отказавшийся в Вене от перспективы въезда в Израиль, свежее испеченный американский профессор. Основания для А/Г-соображений у М. Л. Гаспарова есть, и мотив родина-чужбина получает мощное обогащение еврейским контекстом через, прежде всего, привлечение к кругу подтекстов названия издательства «Альциона». В *Антологии античной глупости* О. Мандельштама обнаруживаем: «Это Гарик Ходасевич, по фамилии Гренцион, / Несмотря что Альциона есть элегия Шенье...». В рамках дальнейшего поиска подтекстов важнее не название элегии А. Шенье, а указанная Мандельштамом фонетическая (Г/0-звука), поддерживающая фактические совпадения параллель. А. И. Гренцион – вторая жена В. Ходасевича, опубликовавшего в издательстве «Альциона» первый вариант сборника *Счастливый домик* (1914), посвященного Анне Гренцион, где, кстати, есть стихотворение *Бегство* («Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной...»), при этом сам В. Ходасевич позднее в *Парижском альбоме V* писал, что «условные имена Делия, Хлоя... употреблялись только в стихах... Эти псевдонимы состояли из стольких же слогов, как и настоящие, скрытые имена и несли ударение на том же слоге... Темира могла заменить, к примеру, Надежду, Хлоя – Анну»⁷, от себя добавим – Ольгу. Таким образом, путешествие А. К. Жолковского все устойчивее коннотируется как бегство – и из СССР, и от еврейского первородства. Тем более что еврейская тема в биографии В. Ходасевича получает поддержку и литературное продолжение, поскольку он один из главных составителей и переводчиков антологии *Из еврейских поэтов*, изданной З. Гржебиным в 1923 году, наряду с переизданным *Счастливым домиком*. У В. Ходасевича есть отдельная статья о Хаиме Бялике, где сказано, что в еврейском миропонимании Х. Бялика важнейшее – трактовка бытия: «перспектива прошлого уже включает в себе перспективу будущего»⁸ (не предостережение ли, сде-

⁷ В. Ходасевич, *Собрание сочинений в 4-х томах*, Москва 1996, т. 1, с. 503.

⁸ Там же, т. 2, с. 306.

ланное М. Л. Гаспаровым через В. Ходасевича?), там же поминается факт, что лучшие переводы Х. Бялика сделал Владимир (Зеев) Жаботинский. Отметим, что в еврейском (противу русского – опять мена букв) имени Жаботинского неожиданно возникает античная линия. В. Жаботинский приблизительно в это время был одним из многочисленных предметов длительного филологического интереса М. Л. Гаспарова. В связи с Х. Бяликом и В. Жаботинским опять возникает птичья тема, но уже прочно увязанная с мотивом стремления к земле обетованной, с представлением о доме как о формальной загранице и чужой земле, а о месте рождения и проживания – как о чужбине. Одним из переведенных В. Жаботинским стихотворений Х. Бялика было стихотворение *К птице*, которое в сборнике *Happardes* В. Жаботинский назвал *К ласточке*, хотя первоначально озаглавил перевод *К птичке*. Заметим мотив, повторяющийся неопределенность с названием: Гальциона – зимородок? чайка? – при неизменности семантического ядра: привет от дальних берегов. Однако сам переводчик не был доволен своим творением и из переизданий стихотворений Х. Бялика этот текст исключил. Интересен тот факт, что конкурирующий вариант перевода стихотворения *К птице* был создан молодым С. Маршаком и назывался опять-таки *Птичка*. Наряду с ласточками Мандельштама сионистская ласточка Х. Бялика, которая «прилетела с юга», «несет привет от цветов Иордана», «родной Палестины» (цит. по переводу Маршака)⁹. У того же С. Маршака среди его ранних сионистских стихотворений, написанных во время путешествия с невестой в Палестину (вполне не книжную, а реальную), имелось и такое, в первой строфе которого возникает мотив Гальционы, вьющейся за кормой корабля: «...А за кормой над зыбью дали // Как бы кружится легкий снег. // Нет, это чайки...»¹⁰. Здесь чайки движутся в противоположном А. К. Жолковскому направлению – с севера на юг, за кормой корабля, идущего в Палестину (?), к обетованной земле. Птичка-ласточка-чайка, кружащая вокруг путешествия на родину предков, – в живой загробный мир (подобно фантастическим образам Х. Бялика, о которых говорил в очерке В. Ходасевич (ср. его безнадежную *Ласточку* из *Тяжелой лиры*). Можно также предположить включение еще одного интертекста совсем уж экзотического, а именно украинского – *Пісня про чайку-небогу*. Два примечательных факта: во-первых, этот широко известный, бытующий как народный текст, принадлежащий перу Ивана Мазепы, евреи, жившие на Укра-

⁹ Цит. по: М. Гейзер, *Маршак*, Москва 2006, с. 86.

¹⁰ Там же, с. 114.

ине, пели на украинском как свою (!) народную песню о тяжелой еврейской судьбе. И море в этой песне приобретало значение границы между миром живых и мертвых, рубежа, через который не переступишь: *Злетівши вгору // Прийшлося втопитись // В Чорному морю*. При всей вроде бы далекости этого текста от исходной Гальционы оба их роднит не только чайка над морем, но и мотив гибели/спасения яичной кладки, из-за утраты которой чайка И. Мазепы и собралась топиться (ср. с гибелью мифологического Кеика, ставшей как бы жертвой во имя грядущего благополучия пернатого потомства); а также звукоподражание «киги!» (так «кыгы!» звучит на слух И. Мазепы крик несчастной чайки-матери, не только напоминая о греческом звукоподражательном имени морской чайки, но и о рассмотренной А. К. Жолковским параллели с именем несчастного (утонувшего) мужа Альционы Кеика (только с украинизированным «вставным» Г). М. Л. Гаспаров вполне мог знать этот интертекст от его украинской коллеги и почитательницы, стиховеда Н. В. Костенко. В таком случае, птичий гипертекст Гальционы, на который ориентирует А. К. Жолковского М. Л. Гаспаров, приобретает действительно макабрический тон – причем фатум имеет узнаваемый черноморский (любимый Жолковским и Щегловым) оттенок.

В. Жаботинский в журналистских текстах русского периода бросил в адрес евреев, готовых к ассимиляции и сторонящихся сионизма («Аль-Ционы»), много обвинений, в частности, что такие единоплеменники предпочитают Рим деревне, соглашаясь не быть первыми нигде. Интересно, когда М. Л. Гаспаров надписывал А. К. Жолковскому свою книгу переводов («Знал над стихами Назон, что на Понте он пишет для Рима; // Ныне где Понт и где Рим – сам не ответит Эдип»), имел ли он уже в виду В. Жаботинского как один из будущих интертекстов будущего эпистолярия.

SUMMARY**Kingfisher-Halcyon as a Symbol of Lost and Regained Home**

The article deals with the application of the methods of searching for intertextual links applied by A. Zholkovskiy to the fiction text written by this philologist and devoted to communication with another philologist (M. Gasparov). It concerns the topic of searching for intertextual links maintained by some unusual means. The theme of the Promised Land manifested by a bird was ignored in A. Zholkovskiy's speculations and is under consideration in the article.

Keywords: motive semantics, halcyon, gull, swallow, Russian Jewish poetry, A. Zholkovskiy, M. Gasparov.

Ключевые слова: мотивная семантика, гальциона, чайка, ласточка, русско-еврейская поэзия, А. Жолковский, М. Гаспаров.